Мировоззренческий раскол в Европе

World outlook split in Europe

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-133-149
УДК 321
Получено: 06.11.2020 Одобрено: 23.01.2021 Опубликовано: 25.03.2021

Ярулин И.Ф.
д-р полит. наук, директор института социально-политических технологий и коммуникаций ТОГУ.
e-mail: iarulin@mail.ru

Yarulin I.F.
Doctor in Political Science, Director of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications PNU.
e-mail: iarulin@mail.ru

Поздняков Е.И.
магистрант института социально-политических технологий и коммуникаций ТОГУ.
e-mail: pozdnyakovev@mail.ru

Pozdniakov E.I.
Undergraduate of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications PNU.
e-mail: pozdnyakovev@mail.ru

Аннотация
Целью данной работы является изучение причин появления идеологическо-мировоззренческих отличий между Востоком и Западом Европы и описание того, как взгляды населения «новой» Европы рождают запрос на правую политику государства. Методологической основой стали принципы сравнительного анализа. Проанализированы отличия в мировоззрении западных и восточных европейцев. Авторы выдвигают предположение, что противостояние ряда стран ЕС (Польши, Венгрии) с Брюсселем вызвано, в первую очередь, серьезными идеологическими различиями между мировоззренческими концепциями населения разных регионов Европы. Делается вывод, жители Востока во многом не согласны с прогрессивными взглядами Запада, что рождает непонимание на уровне населения современной политики ЕС (в частности, упоминаются проблемы дискриминации меньшинств и спор вокруг квот на прием мигрантов). Делается вывод, что в обществе «новой» Европы сформировался запрос на правую политику, основанный на культурном прошлом этих стран. Запрос находит выход в победе на выборах консервативных партий, что осложняет отношения с Брюсселем. Авторы заключают, что конфронтация Запада и Востока во многом возникает из-за стремления первого «уровнять» европейцев по определенному стандарту либеральной демократии, хотя в странах Восточной Европы само население не согласно с навязыванием подобной системы.
Ключевые слова: ЕС, интеграционный проект, право и справедливость, правый блок, Я. Качиньский.

Abstract
The article deals with the reasons for the emergence of ideological differences between the Eastern and Western Europe. The article also describes how the views of the population of "new" Europe give rise to a demand for the right-wing state policy. The methodological basis was the principles of comparative analysis. The differences in the worldview of Western and Eastern Europeans are analyzed. The author suggests that the confrontation between a number of the EU countries (Poland, Hungary) with Brussels is caused, first of all, by serious ideological differences between the worldview concepts of the population of different regions of Europe. It is concluded that the inhabitants of the East largely disagree with the progressive views of the West, which gives rise to misunderstanding at the level of the population of the current EU policy (in particular, the problems of discrimination against minorities and the dispute over quotas for the admission of migrants are mentioned). It is concluded that in the society of the "new" Europe, a demand for right-wing politics has been formed, based on the cultural past of these countries. The request finds a way out in the victory of the conservative parties in the elections, which complicates relations with Brussels. The author concludes that the confrontation between the West and the East largely arises from the desire of the first to "level" the Europeans according to a certain standard of liberal democracy, although in the countries of Eastern Europe the population it does not agree with the imposition of such a system.
Keywords: The EU, integration project, Law and Justice, right-wing bloc, J. Kaczyński.

Введение

Распад социалистического блока в конце прошлого столетия кардинально поменял геополитическую обстановку на земном шаре. Уход столь мощного актора как Советский Союз поставил новообразовавшиеся государства перед целым рядом проблем, решение которых растянулось на долгие годы. Помимо очевидных вопросов в стиле: «Как влиться в рыночную экономику?» и «В какие организации вступать теперь?» сотни народов оказались и на культурно-философской развилке. Условия холодной войны делили планету по идеологическому признаку, что, в некоторой степени, облегчало процесс самоидентификации малых стран в поствоенную эпоху. С развалом биполярной системы недавние коммунисты столкнулись с неожиданным кризисом идентичности: «Кто мы теперь? На чем нам строить новые свободные государства?». Данная проблема впервые была освещена в труде С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где автор объясняет культурно-религиозное возрождение в ряде государств потребностью самоопределения в мире, пережившем холодную войну. Тенденция к «поиску себя» не обошла стороной и Восточную Европу, посвятившую себя строительству коммунизма на целых 40 лет.

Крушение социалистического блока подтолкнуло страны региона к «поиску себя» [6, 11, 12]. Процесс самоидентификации вылился в «переоткрытие» собственных утраченных традиций, которые рассматривались исключительно в европейском контексте. Восточная Европа на момент 90-х годов не рассматривалась как самостоятельная историческая единица, обладающая неповторимым и уникальным культурным фоном, что благотворно повлияло на процесс интеграции таких государств, как Польша, Венгрия и Болгария. Несмотря на общую сговорчивость посткоммунистических стран, противоречия между ними и Брюсселем были, кажется, неминуемы. Западная Европа никогда не рассматривала Восточный регион как равный себе и исторически подчеркивала его «буферность» в дихотомии «Восток-Запад». Подобное определение наделяло государства «новой» Европы многими характеристиками, нехарактерными для «Запада», что ставило Варшаву и Будапешт в некоторое подчиненное положение во время их вступления в ЕС[1]. Восточной Европе предлагалось действовать по «методичкам», совершенно не учитывающим их культурные особенности, что, впрочем, до определенного момента вполне устраивало кандидатов на звание «европейца».

[1] Мелков А. Орбанизм как современная политика Венгрии [Электронный ресурс] //Rabkor: [сайт]. URL: http://rabkor.ru/columns/analysis/2019/04/06/the-orban-way/ (дата обращения: 21.11.2020).

Таким образом, актуальность исследования диктуется обострившимся конфликтом между Брюсселем и странами Восточной Европы (в частности, Польшей и Венгрией), который в большей степени проистекает именно из-за культурных различий между двумя частями ЕС. Особую роль в идеологическом расколе Евросоюза играет население Востока, осознающее свою «исключительность» в рамках интеграционного объединения, что выливается в значительный запрос на партии правого толка. Во многом недоверие общества Восточной Европы строится на опасении потери суверенитета, который в большем числе государств был приобретен сравнительно недавно [16].

Объектом исследования выступают настроения общественности Восточной Европы и их влияние на политические элиты государств региона. Между представителями «старой» и «новой» Европы существует колоссальная культурная разница, о которой на момент присоединения стран Востока предпочиталось умалчивать. Своеобразная покорность Польши, Венгрии и других стран региона в 90-х и 00-х привели к обострению отношений «истинного Запада» и «симулякра», которые стали складываться еще задолго до появления идеи о создании ЕС. Условия, на которых страны Восточной Европы входили в состав интеграционного проекта, в некоторой степени дали право Брюсселю влиять на внутренние дела посткоммунистических стран, что вылилось в недовольство населением положения своих государств в единой Европе и сформировало определенный запрос на правую политику для отстаивания не только собственных позиций, но и «истинных ценностей Запада».

Обзор научной литературы

Проблема различной идентичности у жителей Восточной и Западной Европы не раз встречалась в исследованиях как зарубежных, так и отечественных авторов [9]. Статья Г. Беста «История имеет значение: измерения и детерминанты национальной идентичности населения и элит европейских стран» демонстрирует существенное расхождение между странами ЕС в понимании нации [4]. Данные социологического опроса показали, что общество Восточной Европы более склонно считать такие показатели, как «рождение на территории страны», «наличие родителей данной нации» и «причастие к христианству» к критериям для отнесения индивида к нации. Интересно исследование Н.М. Межевича «Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта», в котором автор особое внимание акцентирует на привязанности ряда государств региона к понятию «суверенитет» [16]. В статье «Ментальная география западной цивилизации и проблема ориентализма» Р.М. Мазаев идет дальше и привязывает идеологический разлад в современном ЕС с дихотомией «Запад-Восток» [14]. Автор пишет о том, что Западная Европа не готова воспринимать страны «новой» Европы в той же культурной парадигме, что и себя, от чего появляется проблема подчиненного положения посткоммунистических государств. А. Садовский в работе «Цивилизационное пограничье между Западной и Восточной Европой: основания и методология исследований» рассуждает о целесообразности проведения цивилизационной границы «Запад – Ортодоксальные государства» по линии соприкосновения Беларуси и Польши [20]. При этом Садовский достаточно активно использует труд Хантингтона «Столкновения цивилизаций» в качестве доказательной базы, что также находит свое отражение и в данной статье.

Отдельно стоит упомянуть работы В.Л. Цымбурского, который вводит совершенно новое понятие в политологии «похищение Европы», означающее восприятие Россией себя как Европы. Интересно, что данную мысль можно переложить и на саму территорию «старого света», где Брюссель активно насаживает собственные представления о «верном пути» Варшаве и Будапешту [24, 25].

Интересны работы, ставящие своей целью рассмотреть основные изменения в идентичности населения Западной Европы за прошедшее столетие. Статья А.В. Баранова «Региональная политическая идентичность: методы исследования в Западной Европе» рассматривает проблему идентичности населения Европы с другой стороны. Автор пишет

о том, что регион подвержен тенденции к «многосоставной идентичности», т.е. подавляющее большинство людей одновременно считают себя и представителями конкретной территории, и страны проживания, что порождает взаимоотношения уровня «мы-они» внутри одного региона (Европа) [3]. А.А. Горелов в статье «"Закат Европы" О. Шпенглера и возможность заката мира» рассматривает население региона, как совершившее переход от причисления себя «к государству» к причислению себя «к обществу» [8]. В работе «Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике» М.Ю. Мартынов и А.И. Габеркорн рассматривают этапы становления националистической идеологии в Западной Европе, указывая на то, что национализм стал ответом на потребность в сплочении разрозненного народа [15]. А.С. Солдатова пишет о том, что для формирования идентичности крайне важны символьные системы, несущие информацию о том или ином сообществе [22]. Интересно мнение и Д. Читати о том, что Европу не следует в полном смысле причислять к цивилизации Запада, ведь подобное утверждение способствует размыванию как культурной, так и политической самостоятельности региона [23].

Не менее важны исследования, рассматривающие не весь регион в целом, но и отдельные государства в частности. Невероятно обширную работу проделал А. Бозоки в статье «Популизм как дискурс венгерских элит» [5]. Автор делает подробный обзор эволюции популизма в Венгрии, начиная с 1867 г. и заканчивая сегодняшним днем. В статье отлично показано желание различных групп играть на настроениях населения. Тему развивает Ф.Е. Лукьянов в исследовании «Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера». В нем весьма красочно описана смена взглядов Орбана и его команды под воздействием общественного мнения [13]. В статье Л. Шишелены «Три десятилетия российско-венгерских отношений» указан ряд причин, из-за которых происходит сближение Будапешта с Москвой, часть из них связана с идеологией [26].

Крайне информативен материал О.В. Петровской «Разногласия Варшавы с Брюсселем в контексте перспектив европейского интеграционного проекта». В нем автор рассматривает эволюцию Польши от «образцового европейца» до открытого оппозиционера администрации ЕС [19]. Статья М. Ведерникова «Парламентские выборы в Польше: национал-консерватизм vs «брюсселецентризм» описывает победу «Права и справедливость» с точки зрения повышенного интереса польской общественности к выборам 2019 г. [7]. На контрасте с мироощущением населения Восточной Европы было интересно обратить внимание и на понимание собственной идентичности жителями Западной части региона. Еще Освальд Шпенглер в своей работе «О немецком характере» писал, что Германия есть набор нескольких идентичностей, отличающихся друг от друга в разной степени [18].

Полезным при написании данной статьи также стал материал, рассматривающий положение христианства в современной Европе. Так, в статье Л.А. Андреевой и Л.К. Андреевой «Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций» указывается на то, что регион едва ли может быть назван секулярным, так как черты, характерные для религиозного мировоззрения, легли в основу идеологического фактора, что на данный момент переросло в общую убежденность населения Западной Европы в верность либерально-демократических идеалов [1]. Данную тему развивает М.Н. Артюхов в своей работе «Христианство в Западной Европе: кризис или рациональное мышление». Автор пишет о том, что постепенная утрата христианством своей позиции является результатом выстраивания новой идентичности в регионе, что стало возможно благодаря постепенной смене образа жизни населения. Автор утверждает, что на место религиозных идей приходят концепции либерального мира [2]. Е.С. Бурмистрова в работе «Старый Свет - новые ценности: концепт традиционных ценностей в политических и религиозных дискурсах Западной Европы (на примере Франции и Германии)» соглашается с данным утверждением и приходит к выводу, что корнем изменений является миграционный

кризис в современной Европе [6]. О.З. Муштук развивает эту тему и приводит выдержки из интервью с местным населением в качестве доказательной базы того, что миграционный кризис является причиной социальной напряженности и размытия идентичности в Европе [17].

Большинство исследований признают наличие серьезных культурно-идеологических различий у населения Восточной Европы. Авторы данной статьи разделяют подобную точку зрения и пытаются продемонстрировать влияние подобного фактора на политику ряда государств (в частности, Польши и Венгрии).

Методология

В роли методологической основы исследования выступает сравнительный анализ общественного мнения в Восточной и Западной Европе по вопросам принадлежности к нации, отношения к мигрантам и религии. Проводится анализ исторически-культурных факторов, повлиявших на формирование особой, отличной от Западной, идентичности у жителей таких стран, как Польша и Венгрия. В качестве теоретической основы объяснения идеологических расхождений государств Евросоюза рассматривается концепция воздействия населения на ход политики в стране, согласно которой правый сдвиг Варшавы и Будапешта произошел не столько из-за желания элит, сколько в связи со сформировавшимся запросом общества на консерватизм.

Результаты анализа

1. Из «красных» в блюстителей европейских ценностей

Наиболее «ярким» событием в процессе самоидентификации можно назвать Балканские войны. Ужас и беспринципность конфликта на территории бывшей Югославии могут отвлечь наблюдателя от более мягких действий, направленных на возвращение к корням в Восточной Европе. Параллельно с кровопролитными боями в Косово происходило медленное осознание «новых» европейцев себя как части великого культурного пространства, основанного на христианстве. Буквально за несколько лет после распада социалистического лагеря число людей, определявших себя как верующих, в бывших коммунистических государствах увеличилось в разы. Если в 1970 г. на регион приходилось лишь 57,2% христиан, то в 2010 г. эта цифра увеличилась до 84,0% [27]. В то же время, число нерелигиозных людей падает. Подобная тенденция характерна и для нашего времени.

Столь резкий рост числа христиан в Восточной Европе достаточно просто объяснить: страны, зажатые в рамках социалистических режимов, постепенно возвращаются в «родную историческую гавань». Решение о принятии веры совпадает с растущим национализмом. Религия воспринимается людьми как нечто постоянное, вневременное, способствующее их связи с предками и напоминающее о великом прошлом. Христианство в Восточной Европе также играет немаловажную роль в народном «духе победы», т.е. понимании того, что общими усилиями нации был сброшен гнет устрашающего режима и возвращено нечто исконно «свое, европейское». Таким образом, религия занимает свое место как часть национальной идеи, о чем свидетельствуют и социологические опросы. Так, например, в 2015 г. 64% поляков сказали, что христианство является важной частью национальной идентичности в их государстве[2]. Не менее ошеломляющие цифры ждут нас в Румынии и Болгарии, где 74 и 66% опрошенных также согласились с основополагающей ролью религии в создании национальной идеи. Подобные данные характерны для региона в целом, где, однако, выделяется Словакия (35%) и Чехия (21%).

[2] Pew Research Center. Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues [Электронный ресурс] //Pew Research Center: [сайт]. [29.10.2018]. URL: https://www.pewforum.org/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/ reachvoters (дата обращения: 27.10.2020).

Столь сильный подъем религиозной самоидентификации ведет к тому, что «новые» европейцы становятся более ревностными христианами, чем «старые». Приобщение к вере накладывается на процесс осознания себя, как части великой нации, имеющей корни в прошлом. Подобное «совмещение» двух процессов создает ситуацию, когда восточные европейцы менее подвержены современным «прогрессивным» реалиям. Происходит подобный разрыв между двумя регионами отчасти от того, что на Западе культурная традиция не прерывалась, что позволяло «оправдать» современные тенденции с религиозной точки зрения еще в те времена, когда бывшие коммунисты только начинали идти по пути христианского возрождения. В результате подобной интересной закономерности «новые» европейцы превращаются в «старых» образца 70-х годов: они в меньшей степени готовы принять в семью мусульманина (Польша – 33%, Болгария – 32%, Румыния – 29%, Венгрия – 21%), более агрессивно настроены в отношении гомосексуализма (47% опрошенных в Польше считают, что гомосексуализм должен быть одобрен в обществе, 49% в Венгрии, 32% в Болгарии) [3].

Таким образом, Восточная Европа постепенно превращается в Западный мир образца 70-х годов: консервативный, религиозный, ориентированный на христианскую мораль. Приведенная выше статистика утверждает факт заметного снижения роли христианства в таких странах, как Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды. Рекордно низкое число «старых» европейцев говорят о том, что религия важна в их жизни. Смещение культурно-моральных ориентиров порождает и разницу заинтересованности простого населения в различных вопросах. Так, респонденты на Западе на вопрос о наиболее важных проблемах, требующих немедленного решения, назвали гендерное неравенство, свободу медиа, вопросы построения гражданского общества. В то же время, участники опроса из Восточной Европы оценили данные пункты куда более низко [16].

Население «старой» Европы становится некоторым «отступником от западной идентичности» в глазах жителей «новой». Возвращение к корням (в том числе и религиозным) совпало и с небывалым ростом экономики на Востоке. Жители бывших социалистических государств полностью довольны современным положением дел и выражают больший оптимизм касательно будущего, чем западные соседи. Современные успехи подтверждают в глазах населения истинность выбранного пути, т.е. продолжение некогда прерванной линии историко-культурной преемственности. Такие страны как Польша, Венгрия, Румыния воспринимают «воссоединение с Европой» как факт, неоспоримо улучшивший их жизнь, от чего стремление старших товарищей изменить и так прекрасный образ существования кажется им, по меньшей мере, странным. Подобное течение событий выливается в осознание Восточными странами своего «культурного превосходства» (Польша – 55%, Венгрия – 46%, Румыния – 66%, Болгария – 69%) [27].

Таким образом, можно заключить, что население «новой» Европы прекрасно осознает свои отличия от «старой». Для жителей большинства государств Востока характерно ставить вопросы культурного и национального сохранения над вопросами о гендерном равенстве, правах меньшинств и политических свобод, что видно из приведенных выше статистических данных. Подобное настроение масс рождает запрос на партии правого уклона, который отчетливо виден на выборах в государствах региона. Так, власть в Польше в 2020 г. практически полностью перешла к консервативной партии «Право и справедливость», а в Венгрии особой популярностью пользуется премьер-министр Виктор Орбан, открыто заявляющий о своих традиционалистских правых взглядах. Правительства государств Восточной Европы вводят нелиберальные запреты на гомосексуальные браки, а в ряде стран (например, в Польше) население даже поддерживает стремления государства к переходу в более авторитарный стиль управления.

[3] Pew Research Center. European Public Opinion Three Decades After the Fall of Communism [Электронный ресурс] //Pew Research Center: [сайт]. [15.10.2019]. URL: https://www.pewresearch.org/global/2019/10/15/european-public-opinion-three-decades-after-the-fall-of-communism/ (дата обращения: 27.10.2020).

Страх перед «потерей европейской идентичности», заселением страны беженцами, создает в обществе запрос на более решительные действия правительства, в результате чего на выборах побеждают кандидаты с более жесткой риторикой по волнующим население вопросам. На данный момент государствами, сумевшими воспользоваться настроением населения, стали Польша и Венгрия. Перечисленные страны ведут неравную борьбу с Брюсселем за право их народов вести несколько отличную от общепринятой в Европе политики. Несмотря на то, что в настоящее время в ЕС не сформировано правого блока, Варшава и Будапешт зачастую поддерживаются своими Восточными соседями при обсуждении тех или иных спорных моментов. Можно сказать, что эти два государства к 2020 г. завоевали роль рупора «новой» Европы. Пока бывшие коммунистические страны не способны слаженно действовать в конфликтах с Брюсселем: сказывается нехватка политической и экономической мощи, однако в будущем противостояние вполне способно перерасти в холодную войну двух блоков внутри ЕС. Совместное заявление Польши и Венгрии о намерении создать «новый институт для оценки того, как верховенство закона соблюдается в ЕС» можно считать свидетельством формирования правого блока в составе европейского интеграционного объединения[4].

К чему приведет создание подобной коалиции? На что рассчитывать Варшаве и Будапешту? Для ответа на данные вопросы необходимо углубиться в политический бэкграунд данных государств.

2. Польша: от «образцового европейца» до открытого оппозиционера

Наблюдая за современными отношениями Варшавы и Брюсселя, трудно поверить в то, что еще в начале XXI в. Польша считалась примером для всех потенциальных членов ЕС. Архитекторы евроинтеграции рисовали ее как государство, сумевшее отойти от авторитарного коммунистического прошлого и вставшее на демократические рельсы. Когда же произошел надлом надежд, возложенных на Варшаву? При детальном рассмотрении ситуации, становится понятно, что началом политических «перипетий» можно назвать 2015 г., а «виновником» раскола является ныне правящая в Польше партия «Право и справедливость».

Вопросом, которым необходимо задаться – это первичность деятельности «Права и справедливости» по отношению к правым настроениям в обществе. Ранее мы уже продемонстрировали ряд отличий населения Восточной Европы от Западной, однако важным остается уточнить, является ли подобная оппозиционность Брюсселю характерной чертой нашего времени или результатом долгого исторического процесса. Факты говорят о большей верности второго. Польша, для примера, всегда отличалась «бунтарностью» и особым стремлением заполучить суверенитет. Подобный настрой всегда отражался на политике государства, даже в 30-е гг. прошлого столетия. Тогда, напомним, министр иностранных дел Юзеф Бек с особым трепетом писал о том, что положение «меж двух огней» крайне вредно для Польского государства. «Сотрудничество с Германией поможет нам одолеть Союз, однако в конечном итоге именно мы будем работать в Сибири» − подобные слова отлично отражают стремления Варшавы к независимой политике [10]. Коммунистический период также сложно назвать самостоятельным – влияние «Большого Брата» ощущалось, пожалуй, всеми слоями населения. Таким образом, неожиданная «политизированность» ЕС (интеграционный проект на момент 2004 г. в большей степени воспринимался как экономическое объединение) закономерно вызвала недовольство у поляков, получивших заветный суверенитет сравнительно недавно. Логично предположить, что именно усиленное

[4] Pew Research Center. Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues [Электронный ресурс] //Pew Research Center: [сайт]. [29.10.2018]. URL: https://www.pewforum.org/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/ reachvoters (дата обращения: 27.10.2020).

давление со стороны ЕС по политической интеграции позволило «Праву и справедливости» прийти к власти в 2015 г. на волне опасений населения.

Нахождение «у руля» в европейском государстве консервативной партии – событие, в целом, неординарное. Именно поэтому результаты выборов в Польше 2015 г., в которых набрала 37% голосов, а ее представитель, Анджей Дуда, стал президентом страны, не предвещали ничего хорошего для сохранения европейского спокойствия. Радикальные перемены в Варшаве совпали и с миграционным кризисом в Евросоюзе. Предыдущее правительство, возглавляемое более лояльной к Брюсселю партией «Гражданская платформа», согласилось принять в страну 7 тыс. беженцев, что стало основной точкой критики власти на парламентских выборах 2015 г.[5]. После победы на выборах «Право и справедливость» отказалась выполнять требования ЕС, а также активно выступала на стороне Венгрии и Словакии в деле Суда Европейского союза, направленного на опротестование решения Совета о переселении мигрантов. В ответ на неповиновение, Брюссель инициировал серию разбирательств, направленных на оспаривание законности реформы Конституционного Суда в Польше [19]. Напомним, что данная реформа стала одной из первых, проведенных новым правящим блоком Варшавы в 2015 г.

Не менее резонансным получилось и «дело Беловежской пущи». Я. Шишко, занимавший пост министра охраны окружающей среды в 2016 г., настоял на суровых изменениях в плане управления заповедной зоны, несмотря на то, что он уже был утвержден до 2021 г. [19]. Разбирательства растянулись на два года. В итоге, Европейский суд отказался занять сторону Польши, что лишний раз подлило масло в огонь конфликта «новой» и «старой» Европы.

Ключевым моментом в противостоянии Брюсселя и Варшавы стал вопрос о принятии поправок в Директиву о размещении работников, направленных в командировку. Инициатором проекта стал Эмманюэль Макрон, ссылавшийся на необходимость устранить несправедливые преимущества стран Восточной и Центральной Европы [19]. Польша, будучи государством с наибольшим числом командированных работников, сочла подобные изменения крайне невыгодными, в чем ее поддержали еще десять стран Восточной Европы. Постепенно, «союзники» Варшавы выбывали из активных дискуссий по данному вопросу, что привело к принятию реформированного текста Директивы в 2018 г.

Как видно из приведенных примеров, в основном камнем преткновения служат вопросы, касающиеся внутренних дел Польши. Попытки Евросоюза навязать Варшаве свое видение «истинно-верной» судебной системы приводят к положению «начальник-подчиненный». Иными словами, стиль диалога, выбранный Брюсселем, четко намекает на то, что путь, выбранный западными государствами, – единственно верный для каждого государства, желающего носить звание «европейского». Отсюда, пожалуй, вытекает главная проблема Польши: желание быть призванным равной с «большими братьями» ЕС. РП прекрасно осознает свою геополитическую важность. Об этом говорит степень вовлеченности государства в события на Украине 2013 г. Тогда, во времена Майдана, был достигнут удивительный консенсус между правящей «Гражданской платформой» и оппозиционной «Правом и справедливостью» по поводу важности процессов, происходивших в Киеве. Да, несомненно, ГП не могла открыто выступать на стороне протестующих украинцев, за что порицалась Ярославом Качиньским, однако сам «серый кардинал» Польши осмелился на присутствие на Майдане, что само по себе является огромным шагом для политика ЕС. Брюссель на тот момент не стремился занимать чью-то сторону, однако после победы майдана, позиция, которую придерживалась по Украине Варшава, стала основной для всей Европы [21]. Подобное развитие событий подтверждает важность Польши, как государства-образца для стран Восточной Европы. Оно,

[5] Gehrke L. Poland. Hungary to set up rule of law institute to counter Brussels [Электронный ресурс] //Politico: [сайт]. [29.09.2020]. URL: https://www.politico.eu/article/poland-and-hungary-charge-brussels-with-double-standards-on-rule-of-law/ (дата обращения: 27.10.2020).

фактически, прошло тот же путь, разделяет схожие идеи и имеет одинаковые проблемы, что делает ее своеобразным лидером региона. Учитывая столь мощное значение Польши, уместно ли довольствоваться местом «младшего брата старой Европы»? Уместно ли позволять Брюсселю вмешиваться в дела суверенного государства, народ которого, фактически, поддерживает реформы правительства голосом?

Из первой проблемы вытекает и следующая, пожалуй, куда более глубокая – различное понимание Европы. Попытки Брюсселя контролировать судебную реформу в Польше говорят о том, что ЕС официально признает лишь одно «лицо старой Европы». Фактически, кандидаты на вступление в союз либо уже действующие его члены лишены права на самоопределение. Брюссель жестко и ультимативно дает определение термину «европейское государство». Итак, в глазах ЕС – это государство, основанное на принципах либеральной демократии [21]. При этом западные страны совершенно забывают о национальных особенностях государств восточной Европы.

Ключевая проблема современного проекта европейской интеграции – это нежелание Запада признавать факт «многогранности» такого понятия как «европеец». Отсутствие понимания различий между жителями условных Варшавы и Брюсселя порождает непринятие ЕС особого пути стран Восточной Европы. Если люди во Франции и Бельгии отчаянно переживают за свободу слова, то это не означает, что их мнение разделят постояльцы Бухареста. Подобное положение дел приводит к конфликтам между странами Европы по поводу внутренних дел суверенных государств, что ставит под вопрос легитимность самого интеграционного проекта. Проблема развивается даже не на правительственных, но на народных уровнях: население Восточной Европы все больше настраивается против «прогрессивного» Запада, что выливается на выборах различного уровня. Им по-настоящему не близка тема легализации однополых браков, так для чего настаивать на переменах в стране, которая, возможно, исторически не предназначена для подобных решений? Подобное состояние дел выливается в возмущение Варшавы (выражаемое в речах политиков «Права и справедливости») по поводу пренебрежения ЕС христианских ценностей и нескончаемое озвучивание опасений по поводу исламизации Европы.

Требования Польши ясны и понятны. В отличие от Великобритании Варшава не стремится к выходу из Евросоюза: это абсолютно не отвечает интересам страны ни с политической, ни с экономической точки зрения. Более того, само правительство РП видит себя исключительно в рамках единой Европы. Об исключении непокорного «бунтаря» из состава ЕС не обсуждается и в Брюсселе. Очевидно, что после Брекзита Европа нуждается во временах политической стабильности, соответственно, западные страны вовсе не заинтересованы в эскалации конфликта. Единственный вариант, приемлемый для обеих сторон, – это сосуществование в условиях бесконечных попыток понять друг друга и сблизиться. Как же будет проходить совместное сосуществование в ЕС столь непохожих идейно государств?

3. Орбанизм как показатель смены настроения венгерского населения

Виктор Орбан – крайне занимательная фигура, наглядно демонстрирующая идеологический раскол в «единой Европе». Несмотря на неоспоримую важность персоны лидера партии «ФИДЕС» в консервативном повороте Венгрии, необходимо реалистично оценивать его личность, отделяя пропагандистский образ борца за традиционные устои от истинной роли этого политика. История Орбана – это, в первую очередь, рассказ о том, как группа понимающих реальную ситуацию в стране деятелей, способна «поймать волну» запросов населения и, превращаясь в отражение интересов народа, прийти к власти. Со времен своего создания в 1988 г. «ФИДЕС» бесконечно мимикрировал, пытаясь подстроиться под настроения «толпы». Действительно, начав с радикально либеральных взглядов, детище Орбана ныне представляет собой пристанище крайне консервативных политиков. В этом разрезе интересно вспомнить и о внутрипартийном

конфликте, разгоревшемся после поражения на парламентских выборах 1990 г. Тогда часть членов организации открыто заявила о том, что кардинальные перемены, за которые и выступали тогда еще пылкие «вчерашние студенты», отпугивают население, после чего было принято решение сменить идеологический вектор ближе к центру. Яркий представитель «ФИДЕС», Габор Фодор (который также являлся и близким другом Орбана), возглавил внутрипартийную оппозицию, однако, осознав решимость команды Виктора, предпочел уйти в организацию, более четко отвечающую его позиции [13].

Важно отметить, что запрос на евроскептицизм среди венгерского населения имеет глубокие исторические корни и, пожалуй, кроме периода 90-х гг. никогда не терял своей актуальности. Недовольство Западными соседями началось еще в XIX в., когда Венгрия являлась частью империи Габсбургов. После 1867 г. Будапешт с завидной скоростью превращался в развитый европейский город, населенный мигрантами со всех концов региона. Аристократия, удостоенная права «сравняться» в величии с австрийцами, медленно «европеизировалась», постепенно отрываясь от народа. Сформировалась ситуация, когда большинством населения Будапешт воспринимался как чуждый им центр жизни, что сформировало некоторое недовольство Европой, связанной с утерей привычного уклада существования [5]. В дальнейшем подобные настроения усиливались на протяжении всего исторического пути Венгрии. После окончания Первой мировой войны на фоне больших территориальных потерь общество укоренилось в недоверии к Европе, а разрыв между провинциальным и столичным населением лишь увеличился. Разные силы пытались сыграть на настроении масс, однако, новые потрясения 40-х гг. и последующее установление коммунистического режима стремительно поменяли ситуацию в государстве. Аристократия, что привычно для крайне левых систем, существенно пострадала, а крестьянам пришлось «пожертвовать» землей на благо колхозов. Подобное положение дел сплотило народные массы и привело к тому, что подавляющее большинство стало видеть свое будущее в возвращении к корням, на тот момент, «в Европу».

Здесь и начинается путь партии «ФИДЕС». Уловив движение времени и почувствовав стремление венгерцев «на Запад», молодой Виктор Орбан достаточно бойко выступает на митинге 16 июня 1989 г., посвященного прощанию с героями событий 1956 г. В своей речи он четко сформулировал идею о том, что восстание было не попыткой контрреволюции, а смелым стремлением прогнать советских захватчиков с территории страны. Также он затронул темы о демократизации общества, что сделало его героем всех газет. Впоследствии партия «ФИДЕС» займет пятое место в парламентских выборах (впервые в истории Венгрии – свободных), активно используя прогрессивные настроения молодежи. Именно после этого происходит партийный раскол, о котором писалось выше. В подтверждение того, что смена курса была политическим ходом, можно привести признание самого Орбана о том, что «уход в центризм» давался ему крайне тяжело [13].

Весь дальнейший путь команды Орбана – это непрерывное изменение партийной идеологии под настроения общественности. В 1998 г. «ФИДЕС» ненадолго врывается в парламент в качестве лидера на волне усталости населения от политиков левого уклона. Недостаток опыта у молодой команды «выбрасывает» будущих консерваторов на обочину оппозиции, после чего та вплоть до 2010 г. (т.е. до триумфального возвращения) станет искать нужные «нити» воздействия на венгерский народ. После вступления в Евросоюз, Орбан, выждав небольшой промежуток времени для оценки происходящего, начинает жесткую критику сближения с Брюсселем. Осознав, что интеграционный проект не способен улучшить жизнь венгров, общество создает запрос на евроскептицизм, который «ФИДЕС» полностью удовлетворяет. Ситуация, сложившаяся в стране среди народа, позволяет нам сказать о том, что это именно Орбан и его команда отвечали на сформировавшийся консервативный запрос, а не навязывали его сверху.

За время у власти «ФИДЕС» успели многое изменить. В основном их реформы приводили к жесткой конфронтации с Брюсселем. В первые годы правления трения

высветились в основном в экономическом направлении: в 2012 г. Венгрия категорически воспротивилась принятию Европейского финансового пакета [6]. Ранее Будапешт пересмотрел статус Национального банка, что позволило вывести его из-под контроля западных соседей и США. Подобные агрессивные действия были восприняты ЕС как «вызов интеграционному проекту».

Пик противоречий пришелся на 2015 г. после начала приема беженцев с Востока Евросоюзом. Орбан был практически единственным видным политиком ЕС, открыто выступающим против столь широких потоков мигрантов. В своей риторике премьер-министр Венгрии использовал весьма жесткие выражения, суть которых приравнивалась к опасениям влияния мусульман на культурный облик Европы. Столь серьезные заявления, конечно же, не могут быть высказаны без уверенности поддержки населением. Современный Евросоюз – место, претендующее называться центром «высшей гуманности», поэтому любое подобное высказывание в государстве с существенной долей приверженцев либеральных взглядов невозможно. Об этом свидетельствуют и результаты исследования Г. Беста, проводимые в 2012 г. Респондентам предлагалось выбрать пять важных черт, благодаря которым человек может быть отнесен к определенной нации. Результаты Венгрии еще тогда кричали о потенциальном «правом» повороте населения при миграционном кризисе: 77% опрошенных считают, что важно родиться на территории страны, а 79% высказались о том, что необходимо также иметь родителей-представителей данной нации [4]. Схожие результаты продемонстрировали и другие государства Восточной Европы, что позволяет нам судить о том, что именно общество дало дорогу в большую политику мощным консервативным силам региона.

4. Опасное сближение: попытки наладить отношения с бунтарями на фоне создания нового идейного блока

Несмотря на то что Венгрия достаточно ярко мелькает в спорах с Брюсселем, Польша, все-таки, в большей степени подходит на роль лидера региона. Связано это с целым рядом причин: географическое положение, политический вес, экономическое влияние. Именно поэтому «сближение» государств Восточной Европы необходимо рассматривать именно со стороны Польши. Варшава и Будапешт прекрасно понимают свое положение, потому неустанно идут на сближение друг с другом. Юристы данных стран проводят совместные действия в рамках слушаний в Европейском суде. Так же у них присутствует общая «проблема», связанная с разбирательствами в ЕС по вопросам применения седьмой статьи в отношении данных государств. Однако долгое время Польша и Венгрия расходились по целому ряду вопросов. Главным, пожалуй, являются взаимоотношения с Москвой. Лидер партии «Право и справедливость», Ярослав Качиньский, известен крайне русофобскими взглядами: помимо сугубо политических причин свою роль здесь сыграло и личное горе политика. В 2010 г. президент Польши Лех Качиньский вместе со своей женой, направлявшийся на мероприятия, посвященные годовщине Катынского преступления, погиб в авиакатастрофе под Смоленском, что Ярослав воспринял крайне лично[7]. Будучи не удовлетворенным степенью участия России в расследовании трагедии, «серый кардинал» Польши фактически поставил крест на пересмотре отношений Варшавы и Москвы.

Отношения с Чехией и Словакией, пожалуй, также можно назвать приоритетными для Польши в борьбе с Брюсселем. Тем не менее ни Прага, ни Братислава не разделяют жестких взглядов Варшавы и Будапешта. Оба государства воздерживаются от критики протекающих процессов в ЕС и всячески пытаются отстраниться от недовольства либеральной демократией. Также необходимо помнить и о стремлении Чехии углубить

[6] Мелков А. Орбанизм как современная политика Венгрии [Электронный ресурс] //Rabkor: [сайт]. URL: http://rabkor.ru/columns/analysis/2019/04/06/the-orban-way/ (дата обращения: 21.11.2020).

[7] Юрьева Д. Владелец уважаемого кота. Ярослав Качиньский вновь вышел из тени [Электронный ресурс] //Радио Свободы: [сайт]. URL: https://www.svoboda.org/a/30882648.html (дата обращения: 27.10.2020).

отношения с Берлином, что совершенно не сходится с политикой Польши. Будучи зажатой между идеологически враждебными Германией и Россией, бывшая «Речь Посполитая» ищет союзника за рубежом, а именно, Соединенные Штаты Америки. В стремлении наладить военное сотрудничество с Вашингтоном, Польша сходится со странами Прибалтики, что позволяет нам также рассматривать их в качестве потенциальных «напарников» Варшавы.

В целом, Польша не одинока в своих претензиях Брюсселю, однако долгое время государствам, косвенно поддерживающим Варшаву, не хватало сплоченности. Как показала борьба вокруг внесения поправок в Директиву о размещении работников, направленных в командировку, страны Восточной Европы хоть и готовы в ряде случаев выступать в защиту друг друга, однако в работе «на длинной дистанции» в перспективе сходят с пути борьбы. Подобное происходит по целому ряду причин. Во-первых, для целого ряда государств высказывания Варшавы кажутся максимально радикальными. Например, Т. Петржичек, занимающий пост министра иностранных дел Чехии, вполне откровенно заявляет о том, что ЧР не желает ассоциировать себя с нелиберальными демократиями, что выливается в частичную критику партнеров по Вишеградской группе [19]. Во-вторых, страны Восточной Европы во многом не могут «прощупать» темы для более плотного сотрудничества. Существуют довольно существенные разногласия в степени оценки взаимодействия с государствами региона. Так, Польша не видит в Венгрии партнера ни по одному из наиболее важных для Варшавы приоритетов, а Будапешт не считает РП ключевым союзником в вопросе обороны границ. Существует и несколько недооцененное Польшей сотрудничество с Румынией: Бухарест не присутствует в рейтинге приоритетов Польши в ЕС, хотя сами румыны ставят РП на третье место в числе желаемых партнеров. Несмотря на это, Варшава и Бухарест имеют множество потенциальных «точек взаимодействия»: основной, конечно же, является проблема «верховенства права» в государстве, которую обеим странам вменяет Брюссель.

Очевидно, что регион Восточной Европы осознает свое отличие от Западных коллег, однако внутренние связи в регионе довольно слабы. На данный момент можно с уверенностью сказать, что основные противоречия между «новой» и «старой» Европой вызваны идеологическими причинами. Восток куда более консервативен, чем Запад на уровне рядового населения. 2020 год подарил большое число возможностей для выражения недовольства у традиционно-настроенных жителей «старой» Европы. Период весны-лета текущего года отразился огромным числом выступлений против BLM и ЛГБТ в таких странах, как Польша, Венгрия и Румыния. Рядовое население востока по-настоящему опасается прогрессивных тенденций, которые с каждым днем становятся все более популярными в Брюсселе и Берлине.

Здесь стоит еще раз отметить уже упомянутое ранее исследование Г. Беста. Проведенное в 2012 г., оно наглядно показало имеющийся тогда идеологический раскол, который особенно остро проявляется в наши дни. Целью статьи данного автора была демонстрация различий в понимании «нации» между жителями Западной и Восточной Европы. Жители таких стран, как Польша, Венгрия и Болгария с большим процентом согласились с тем, что для отнесения себя к нации необходимо «иметь родителей данной нации», «быть христианином» и «родиться в данной стране», чем их западные соседи. При этом с важностью «владения языком» и «наличия гражданства» соглашались все европейцы в одинаковой степени [4]. Подобные результаты говорят о том, что «старая» Европа в большей степени готова к размыванию государственных границ ЕС, чем «новая», что проявляется в целом ряде инициатив Брюсселя, направленных на снижение суверенитета государств-членов. Подобное мировоззрение общества требует особого стиля управления, гарантирующего сохранность государственной и экономической независимости. Успех консервативных партий на Востоке региона – это, в первую очередь, социальный запрос на защиту суверенитета и нации, в более узком понимании, чем у Брюсселя. Данный запрос выливается в поддержку правых кандидатов, готовых

удовлетворить желания общества, несмотря на то, что они идут в разрез с общеевропейской идеологией.

Разумеется, между странами сохраняется целый ряд противоречий по вопросам внешней политики, однако все они способны сгладиться перед лицом общего врага – пагубных тенденций Западной Европы. Совместное заявление Польши и Венгрии о намерении создать «новый институт для оценки того, как верховенство закона соблюдается в ЕС» − мощный и решительный шаг для формирования более углубленного сотрудничества. 2020 год создал для политиков Восточной Европы удобный фон для наращивания правой политики. Выборы 2020 г. в Польше лишний раз демонстрируют запрос на противостояние «прогрессивным» тенденциям снизу. Вероятно, что государства Восточной Европы продолжат наращивать сотрудничество друг с другом, однако успех взаимодействия во многом зависит от возможности сторон пойти на взаимные уступки. Польше и Венгрии необходимо отказаться от чрезмерно жесткой риторики для того, чтобы менее решительные страны смогли последовать за ними. Таким странам, как Чехия и Словакия, напротив, необходимо в большей степени обратить внимание на Варшаву, как на потенциального лидера восточного блока. Тем не менее предпосылки к плодотворному сотрудничеству имеются, но сумеют ли они реализоваться в полной мере, можно будет судить только по истечению определенного промежутка времени.

Выводы

Опираясь на статистическую информацию и исторические факты, можно с уверенностью заключить, что правый поворот, произошедший в нескольких государствах Восточной Европы, вызван вовсе не желанием элит, но особым мироощущением жителей региона. Основные факторы, влияющие на идеологическую составляющую населения, следующие:

1. Исторически подчиненное положение государств Восточной Европы, рождающее особую тягу к суверенитету.
2. Восприятие региона Западной Европой, как «буферной с Востоком территории», что порождает отношения «правильных» и «неправильных» европейцев.
3. Отказ от социалистической системы, порождающий потребность региона в самоопределении через обращение к докоммунистическим традициям.

Ядром конфликта между Брюсселем и государствами Восточной Европы является непокорность последних, а также их готовность ставить под сомнения основные «столпы» интеграционного проекта. Учитывая важность, которую придают независимой политике и сохранности культурным традициям жители Варшавы и Будапешта, говорить о скорой «разрядке» по инициативе «новой» Европы ни в коем случае нельзя. Общество до сих пор поддерживает крайне консервативные взгляды, о чем говорят результаты многих недавних выборов в государствах региона. Партии, находящиеся у власти в Польше и Венгрии, возможно и готовы в будущем пойти на хотя бы небольшие уступки Брюсселю, однако градус общественных настроений этого не позволяет. Нельзя предполагать и скорую снисходительность администрации ЕС в отношении стран-оппозиционеров. Критика, звучащая из уст таких политиков, как Виктор Орбан и Ярослав Качиньский, напрямую затрагивает идеологию ЕС, что делает невозможным снижение политического давления на регион. Брюссель видит Европу как единое культурное пространство. Попытка прислушаться к мнению Венгрии и Польши станет своеобразной распиской в том, что политическая и социальная составляющие интеграционного проекта изначально строились на неверных идеях.

Таким образом, вероятно несколько потенциальных исходов конфронтации Востока и Брюсселя. Наиболее возможным выглядит сценарий, при котором обе части «единой Европы» продолжат сосуществовать, несмотря на то что число противоречий будет расти. Варшава и Будапешт (единственные акторы региона, способные претендовать на роль

лидера) все же не имеют одинакового «веса» с западными соседями. В экономическом плане оба государства зависимы от европейского центра, что ставит их в подчиненное положение и заметно снижает вероятность резких выпадов в сторону неприятной политики. Не хватает и общей сплоченности «новых» европейцев: посткоммунистические страны, несомненно, чувствуют свои отличия от «Брюсселя и компании», однако о налаженном сопротивлении единого фронта на данный момент не может быть и речи. Стоит отметить, что политические изменения в ЕС непременно будут, ведь «правый сдвиг» в государствах Восточной Европы произошел вовсе не из-за интересов элит, но из-за особого мироощущения «новых» европейцев. Учитывая фундаментальные различия во взглядах по целому ряду вопросов, тенденция на «движение вправо» продолжится. Консервативные партии все чаще будут прибегать к противопоставлению собственной страны с Западом, а также призывам к защите традиционных ценностей. Подобное, вероятней всего, будет поддержано обществом, ведь в нем уже сформирован запрос на подобную политику.

Литература

1. *Андреева Л.А., Андреева Л.К.* Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций //Социологические исследования. - 2015. - № 3 (371). - С. 82-88.
2. *Артюхов М.Н.* Христианство в Западной Европе: кризис или рациональное мышление //Universum: общественные науки. - 2018. - № 1-2 (43). - С. 8-11.
3. *Баранов А.В.* Региональная политическая идентичность: методы исследования в Западной Европе //Социальная политика и социология. − 2006. − № 1. − С. 23−31.
4. *Бест Г.* История имеет значение: измерения и детерминанты национальной идентичности населения и элит европейских стран //Полития. - 2012.- № 2. - С. 20-43.
5. *Бозоки А.* Популизм как дискурс венгерских элит //Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 162-184.
6. *Бурмистрова Е.С.* Старый Свет - новые ценности: концепт традиционных ценностей в политических и религиозных дискурсах Западной Европы (на примере Франции и Германии) //Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. - 2020. - Т. 4. - № 3. - С. 297-302.
7. *Ведерников М.В.* Парламентские выборы в Польше: национал-консерватизм vs «брюсселецентризм» //Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 5. С. 33 – 38.
8. *Горелов А.А., Горелова Т.А.* "Закат Европы" О. Шпенглера и возможность заката мира //Знание. Понимание. Умение. - 2016. - № 1. - С. 29-43.
9. *Горулько А.А.* Социальная реальность Западной Европы: кризис идентичности и крах политики мультикультурализма //Журнал исторических, политологических и международных исследований. - 2018.- № 2 (65). - С. 103-111.
10. *Зеликов Ф.Д.* Уроки Второй мировой войны: ответ президенту Путину [Электронный ресурс] //Россия в глобальной политике: [сайт]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/uroki-vtoroj-mirovoj-vojny/ (дата обращения: 21.11.2020).
11. *Кирсанова Е.Г.* Особенности модернизации в странах Восточной Европы: социокультурный аспект и национальная идентичность //Вестник Российской нации. - 2009. - № 3 (5). - С. 203-212.
12. *Клемешев А.П., Ворожеина Я.А.* Национал-консервативный “поворот” Польши в геополитическом контексте //Полис. Политические исследования. - 2018. - № 5. - С. 17-28. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.03.
13. *Лукьянов Ф.Е.* Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера //Актуальные проблемы Европы. - 2017. - № 3. - С. 13-39.
14. *Мазааев Р.М.* Ментальная география западной цивилизации и проблема ориентализма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. - 2019. - Т. 5. - № 1. - С. 136-145.

15. *Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И.* Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике //Журнал политических исследований. - 2018. - Т. 2. - № 2. - С. 117-131.
16. *Межевич Н.М.* Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта //Балтийский регион. - 2016. - Т. 8. - № 1. С. 26-47. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-1-2.
17. *Муштук О.З.* Афро-арабская миграция в Европе и проблемы сохранения национально-государственной идентичности //Журнал политических исследований. - 2018. - Т. 2. - № 4. - С. 3-10.
18. Освальд Шпенглер о немецком характере //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2019. - № 3. - С. 50-54. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-50-54.
19. *Петровская О.В.* Разногласия Варшавы с Брюсселем в контексте перспектив европейского интеграционного проекта //Международная политика. Проблемы национальной стратегии. - 2019. - № 2. - С. 65-106.
20. *Садовский А*. Цивилизационное пограничье между Западной и Восточной Европой: основания и методология исследований //Социология. - 2015. - № 4. - С. 60-66.
21. *Смирнов А.Н.* Испытание Украиной (польские консерваторы в поисках внешнеполитической стратегии) //Полития. - 2015. - № 3. - С. 131-149.
22. *Солдатова А.С*. Символизация пространства: уровень национальной идентичности //Журнал политических исследований. - 2018. - Т. 2. - № 2. - С. 132-142.
23. *Читати Д.* Европа не есть Запад: интересы, ценности и идентичность в европейской традиции //Перспективы. Электронный журнал. - 2016. - № 3 (7). - С. 75-85.
24. *Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом. − Москва: Эдиториал УРСС. 2000. 144 с.
25. *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. − Москва: Европа. 2011. 372 с.
26. *Шишелена Л.Н.* Три десятилетия новых российско-венгерских отношений //Современная Европа. - 2019. - № 7. - С. 6-16.
27. Center for the Study of Global Christianity. Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission. - South Hamilton: Overseas Ministries Study Center, 2020. 46 p.

References

1. Andreeva L.A., Andreeva L.K. Sekuljarnyj ili postsekuljarnyj mir? Verifikacija koncepcij [Secular or Post-Secular World? Verification of concepts]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2015, I. 3 (371), pp. 82-88. (In Russian).
2. Artjuhov M.N. Hristianstvo v Zapadnoj Evrope: krizis ili racional'noe myshlenie [Christianity in Western Europe: Crisis or Rational Thinking]. *Universum: obshhestvennye nauki* [Universum: social sciences], 2018, I. 1-2 (43), pp. 8-11. (In Russian).
3. Baranov A.V. Regional'naja politicheskaja identichnost': metody issledovanija v Zapadnoj Evrope [Regional Political Identity: Research Methods in Western Europe]. *Social'naja politika i sociologija* [Social policy and sociology], 2006. I. 1, pp. 23-31. (In Russian).
4. Best G. Istorija imeet znachenie: izmerenija i determinanty nacional'noj identichnosti naselenija i jelit evropejskih stran [History Matters: Dimensions and Determinants of the National Identity of the Population and Elites of European Countries]. *Politija* [Polity], 2012, I. 2, pp. 20-43. (In Russian).
5. Bozoki A. Populizm kak diskurs vengerskih jelit [Populism as a Discourse of Hungarian Elites]. Sravnitel'naja politika [Comparative politics], 2012, I. 3, pp. 162-184. (In Russian).
6. Burmistrova E.S. Staryj Svet - novye cennosti: koncept tradicionnyh cennostej v politicheskih i religioznyh diskursah Zapadnoj Evropy (na primere Francii i Germanii) [The Old World - New Values: The Concept of Traditional Values in the Political and Religious Discourses of Western Europe (on the Example of France and Germany)]. *Vestnik Udmurtskogo*

universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships], 2020. V. 4, I. 3, pp. 297-302. (In Russian).
7. Vedernikov M.V. Parlamentskie vybory v Pol'she: nacional-konservatizm vs «brjusselecentrizm» [Parliamentary elections in Poland: national conservatism vs "Brussels-centrism"]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS], 2019, I. 5, pp. 33 – 38. (In Russian).
8. Gorelov A.A., Gorelova T.A. "Zakat Evropy" O. Shpenglera i vozmozhnost' zakata mira ["The decline of Europe" by O. Spengler and the possibility of the decline of the world]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill.], 2016, I. 1, pp. 29-43. (In Russian).
9. Gorul'ko A.A. Social'naja real'nost' Zapadnoj Evropy: krizis identichnosti i krah politiki mul'tikul'turalizma [The social reality of Western Europe: the identity crisis and the collapse of multiculturalism politics]. *Zhurnal istoricheskih, politologicheskih i mezhdunarodnyh issledovanij* [Journal of Historical, Political and International Studies], 2018, I. 2 (65), pp. 103-111. (In Russian).
10. Zelikov F.D. Uroki Vtoroj mirovoj vojny: otvet prezidentu Putinu [Lessons from the World War II: A Response to President Putin] [electronic resource]. *Rossija v global'noj politike* [Russia in the global policy]: [website]. Available at: https://globalaffairs.ru/articles/uroki-vtoroj-mirovoj-vojny/ (Accessed: 21.11.2020). (In Russian).
11. Kirsanova E.G. Osobennosti modernizacii v stranah Vostochnoj Evropy: sociokul'turnyj aspekt i nacional'naja identichnost' [Features of modernization in Eastern Europe: sociocultural aspect and national identity]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian nation], 2009, I. 3 (5), pp. 203-212. (In Russian).
12. Klemeshev A.P., Vorozheina Ja.A. Nacional-konservativnyj “povorot” Pol'shi v geopoliticheskom kontekste. [Poland's national-conservative “turn” in a geopolitical context]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. [Polis. Political research], 2018, I. 5, pp. 17-28. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.03. (In Russian).
13. Luk'janov F.E. Viktor Orban: ot ul'traliberalizma k evroskepticizmu. Jevoljucija politicheskogo lidera [Viktor Orban: From Ultra-liberalism to Euroscepticism. The evolution of a political leader]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Topical problems of Europe], 2017, I. 3, pp. 13-39. (In Russian).
14. Mazaaev R.M. Mental'naja geografija zapadnoj civilizacii i problema orientalizma [Mental Geography of Western Civilization and the Problem of Orientalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija.* [Scientific notes of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology.], 2019, V. 5, I. 1, pp. 136-145. (In Russian).
15. Martynov M.Ju., Gaberkorn A.I. Rol' konstruktivistskoj traktovki formirovanija grazhdanskoj identichnosti i patriotizma v sovremennoj simvolicheskoj politike [The role of the constructivist interpretation of the formation of civic identity and patriotism in modern symbolic politics]. *Zhurnal politicheskih issledovaniy* [Journal of Policy Studies], 2018, V. 2, I. 2, pp. 117-131. (In Russian).
16. Mezhevich N.M. Vostochnaja Evropa. K stoletnemu jubileju politicheskogo proekta [Eastern Europe. To the centenary of the political project]. *Baltijskij region* [Baltic region], 2016, V. 8, I. 1, pp. 26-47. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-1-2. (In Russian).
17. Mushtuk O.Z. Afro-arabskaja migracija v Evrope i problemy sohranenija nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti [Afro-Arab Migration in Europe and the Problems of Preserving National and State Identity]. *Zhurnal politicheskih issledovaniy* [Journal of Political Studies], 2018, V. 2, I. 4, pp. 3-10. (In Russian).
18. Osval'd Shpengler o nemeckom haraktere [Oswald Spengler on the German character]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2019, I. 3, pp. 50-54. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-50-54. (In Russian).

19. Petrovskaja O.V. Raznoglasija Varshavy s Brjusselem v kontekste perspektiv evropejskogo integracionnogo proekta [Disagreements between Warsaw and Brussels in the context of the prospects of the European integration project]. *Mezhdunarodnaja politika. Problemy nacional'noj strategii.* [International politics. National strategy problems.], 2019, I. 2 (53), pp. 65-106. (In Russian).
20. Sadovskij A. Civilizacionnoe pogranich'e mezhdu Zapadnoj i Vostochnoj Evropoj: osnovanija i metodologija issledovanij [Civilizational frontier between Western and Eastern Europe: foundations and research methodology]. *Sociologija* [Sociology], 2015, I. 4, pp. 60-66. (In Russian).
21. Smirnov A.N. Ispytanie Ukrainoj (pol'skie konservatory v poiskah vneshnepoliticheskoj strategii) [Trial by Ukraine (Polish Conservatives in Search of Foreign Policy Strategy)]. *Politija* [Polity], 2015, I. 3, pp. 131-149. (In Russian).
22. Soldatova A.S. Simvolizacija prostranstva: uroven' nacional'noj identichnosti [Symbolization of space: the level of national identity]. *Zhurnal politicheskih issledovaniy* [Journal of Policy Studies], 2018, V. 2, I. 2, pp. 132-142. (In Russian).
23. Chitati D. Evropa ne est' Zapad: interesy, cennosti i identichnost' v evropejskoj tradicii [Europe is not the West: interests, values and identity in the European tradition]. *Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal* [Perspectives. Electronic journal], 2016, I. 3 (7), pp. 75-85. (In Russian).
24. Cymburskij V.L. *Rossija – Zemlja za Velikim Limitrofom* [Russia is the Land beyond the Great Limitrof]. M., Editorial URSS Publ., 2000, 144 p. (In Russian).
25. Cymburskij V.L. *Kon#junktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie intellektual'nye rassledovanija* [Conjuncture of the Earth and Time. Geopolitical and Chronopolitical Intelligence Investigations]. M., Europe Publ., 2011, 372 p. (In Russian).
26. Shishelena L.N. Tri desjatiletija novyh rossijsko-vengerskih otnoshenij [Three decades of new Russian-Hungarian relations]. *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], 2019, I. 7, pp. 6-16. (In Russian).
27. *Center for the Study of Global Christianity. Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission*, South Hamilton, Overseas Ministries Study Center Publ., 2020. 46 p.